

Какого цвета Антарктида? Каждый из побывавших на ледяном материке найдет свой, и далеко не всегда белый, цвет. Свои краски Антарктиды увидел Андрей Юрьевич Иванов — учитель географии гимназии № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга. За его плечами более 40 научно-исследовательских экспедиций в разные уголки нашей страны и зарубежья. Кавказ и Алтай, Саяны и Хибины, Казахстан и Монголия, Кольский полуостров и Таймыр, Северная Земля и Новосибирские острова — вот далеко не весь перечень маршрутов его путешествий. В этих заметках — воспоминания об Антарктиде.

КАКОГО ЦВЕТА АНТАРКТИДА?

Какого цвета Антарктида? Каждый скажет — белого! И будет отчасти прав, потому что Антарктида ассоциируется с белым снегом, льдом, метелями, пургой, снеговыми зарядами, айсбергами, бесконечными ледяными полями и замерзшим Южным океаном. Я расскажу вам, мои дорогие читатели, какой увидел Антарктиду я.

В далеком 1998 году судьба подарила мне возможность поработать в Антарктиде. Так я оказался в составе 44-й Российской антарктической экспедиции. В июне 1999 года я ступил на берег ледяного материка...

В детстве я был болезненным ребенком. Счастливого время болезни, когда я оставался один, погружало меня в мир книг — у родителей была прекрасная библиотека. Любимейшими были двенадцать томов Большой советской энциклопедии, которые я перелистывал и читал отдельные статьи. Именно там я увидел первые фотографии Антарктиды. На долгое время она стала для меня черно-белой. Чуть позже в кинохронике я видел репортажи об антарктических экспедициях, узнал о Михаиле Михайловиче Сомове — руководителе первой антарктической экспедиции, Алексее Федоровиче Трёшникове — начальнике второй экспедиции, человеке и пароходе — его именем названо судно ледового класса, которое сегодня бороздит воды Южного океана.

Как-то неожиданно для меня изменился цвет Антарктиды. Не знаю, откуда у меня, сотрудника кафедры физической географии Ленинградского университета, появилась фотография антарктического хребта Синтинел и массива Винсон — самых высоких на ледяном материке. Когда я вглядывался в их снега, мне показалось, что они меняют цвет, становясь то желтоватыми, то серыми, то голубоватыми. Не думал тогда я, молодой лаборант, что та черно-белая фотография превратится в цветную реальность и что окажусь я на таком далеком и загадочном материке.

Кафедра физической географии географического факультета Ленинградского государственного университета, на которой я учился, прежде называлась кафедрой географии полярных стран, а легендарная

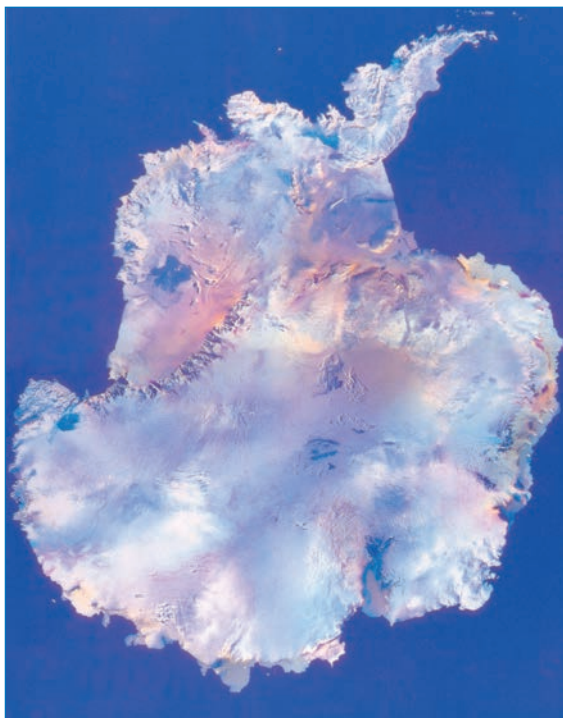
экспедиция А162 Арктического и антарктического научно-исследовательского института, которая проводила свои исследования на всех островах Российской Арктики и в составе которой мне довелось поработать, являлась структурным подразделением отдела... географии полярных стран. Так определилась моя судьба в путешествиях по полярным районам планеты. Не так давно я нашел еще одну параллель: руководитель первой русской кругосветной антарктической экспедиции Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen) родился на острове Эзель Лифляндской губернии. Ныне это остров Сааремаа, принадлежащий Эстонии. В переводе с эстонского Saaremaa — «островная земля», когда-то так именовали весь архипелаг, а остров назывался Курессааре — остров аистов (красиво, не правда ли!). Вот на этом острове и познакомились мои папа и мама. А родился я чуть позже, уже в Ленинграде, откуда родом отец.

Наверное, самыми сильными являются первые впечатления. Этим первым впечатлением были айсберги, которые нас встретили на пути к Антарктиде, — разные по конфигурации, величине и... цвету. Мы шли на флагмане антарктического флота научно-экспедиционном судне (НЭС) «Академик Федоров» в Антарктиду в период окончания лета. Солнце уже находилось низко над горизонтом, а к моменту высадки на ледяной материк к ночи скрывалось из виду. Именно в этих лучах заходящего солнца лед начинает играть фантастическими красками, а спустя какое-то время небо окрашивается такими же фантастическими по красоте восходами, которые почти сразу сменяются кроваво-красными закатами.

Зимовка

Самое трудное время в Антарктиде — полярная ночь, время, когда уходит судно, улетают все вертолеты, исчезают птицы и остается только темнота. Мир вновь становится черно-белым. Солнце не поднимается над горизонтом, и каждый день на длительное время из красочного становится серым, а ночь... Какая же она, антарктическая ночь? Каждый, кто изучал ге-

Палитра цветов Антарктиды. Вид из космоса

Станция Прогресс. 1999 год

ографию, знает, что выше полярного круга можно наблюдать два замечательных явления — полярный день и полярную ночь. Антарктическая станция Прогресс, на которой мне довелось зимовать, находится под 70-м градусом южной широты — это чуть выше полярного круга, и это значит, что полярная ночь здесь продолжается чуть больше пятидесяти дней. Когда я спрашивал своих друзей и учеников, какой они представляют себе полярную ночь, — все дружно описывали кромешную тьму, как будто ты находишься в комнате без окон и, двигаясь вслепую, натыкаешься на стены. Кто-то сказал, что полярная ночь ассоциируется со спячкой (как будто полярники, преодолев почти двадцать тысяч километров, оказались в Антарктиде, чтобы поспать!).

Попробую описать одну из первых ночей в Антарктиде. Собственно полярная ночь подкралась как-то незаметно — очень много времени ушло на обустройство станции и быта. Воду мы добывали из снега — дежурные обычной ножовкой резали снежные блоки, укладывая штабелем у камбуза, воду для бани возили из озера в емкости, установленной на гусеничном вездеходе, да и сама баня как гигиеническая процедура была один раз в неделю. Жили мы в балках (ударение на втором слоге) — небольших щитовых утепленных домиках, рассчитанных на двоих. Тамбур, прихожая, где стоит керосиновая печь, маленькая выгородка под туалет, умывальник и две комнаты: направо и налево. В комнате кровать, стол и небольшой платяной шкаф. Единственным отличием моей комнаты от комнат моих друзей были персональный компьютер (напомню, шел 1999 год), карта района работ, фотографии моих родных и друзей и вырезанные из журнала... бабочки.

Первая ночь выдалась штормовой, и поспать толком мне не удалось. Под ударами ветра домик ходил ходуном, металлические ленты-стяжки барабанили по домику так, как будто ты помещен внутрь гигантского барабана. Это было невыносимо! Кроме этого, стекла

дрожали ледяным звоном, будто норовили вылететь из оконных блоков. К тому же накануне я прочитал отчеты о первой антарктической экспедиции — люди действительно не знали, какие условия их ожидают, и не осознавали степени опасности. Поэтому старались предвидеть трудности, с которыми они могут столкнуться. Например, зная, что стоковые ветры в Антарктиде могут достигать ураганной силы, для домиков изготовили стекла толщиной 5 см. Лучше бы я это не читал, потому что в моем домике были обычные стекла, которые дрожали и, как мне казалось, даже прогибались под напором ветра. Когда я задремывал на некоторое время, мне тут же во сне рисовались картины, как со звоном вылетают стекла и домик моментально забивается снегом. Я просыпался от ужаса. И забыться коротким сном мне удалось только после того, как я вышел на улицу и при сильнейшем ветре закрепил все, что дребезжало. Лег я в одежде, положив штормовой костюм под голову.

А после первой, поистине жуткой ночи все они разделились на черные и серые. Но антарктические ночи не всегда черные. Когда выдавалась морозная и ясная погода, то на небе появлялась луна. Почему-то в Антарктиде она мне показалась необычайно огромной и такой яркой, что — без преувеличения — можно было читать. Лунный свет окрашивал антарктические пейзажи в голубоватые цвета, как будто где-то включали ультрафиолетовые лампы. Свет шел отовсюду, казалось, что и снег, и лед являлись его источником.

Антарктические оазисы

Российская антарктическая станция Прогресс расположена на полуострове Брукнес (Broknes) в оазисе Ларсеманн Хиллс (Larsemann Hills) — Холмы Ларсеманн. Антарктические оазисы — это возвышенные участки местности, не покрытые ледником и постоянным снежным покровом, и окруженные антарктическим ледниковым щитом или шельфовым ледником. Как правило,

это холмистые формы рельефа. Летом оазисы почти полностью освобождаются от снега, а поверхность прогревается настолько, что можно ходить в маршруты легко одетым. Летом температура в антарктических оазисах на 6–10 °С, а зимой на 1–2 °С выше, чем в прилежащих территориях. По моим наблюдениям, даже зимой, спрятавшись от ветра, можно погреться в лучах первого солнца, а летом поверхность оазиса прогрелась до 25 °С.

Антарктические оазисы — поистине уникальное явление. Как правило, они сложены гнейсами и кристаллическими сланцами, которые хорошо поддаются физическому выветриванию, формируя так называемые ячеистые формы рельефа — это каверны, полости и пещеры такого размера, что там даже может поместиться человек. Издали такие горные породы похожи на гигантские пчелиные соты. «Пустынные загары» и так называемые «лаки» окрашивают породы в красноватые и коричневые цвета, которые в заходящих лучах принимают удивительные оттенки. То здесь, то там встречаются зерна гранатов, которые кроваво-красными глазами смотрят на тебя...

Само словосочетание «антарктический оазис» пришло в наш обиход по ассоциации с оазисами Африки. Действительно, так же, как и в африканских оазисах, в антарктических бурлит жизнь: гнездятся снежные буревестники, поморники и кочурки Вильсона, приходят на линьку пингвины Адели, редкими пятнами окрашивают холмы мхи, лишайники и пресноводные водоросли. Участник английской экспедиции Джона Римилла А. Стефансон писал в 1938 году: «Создается впечатление, как будто мы неожиданно вошли в оазис, так как вместо обычных масс льда и снега с отдельными выходами скал здесь, в обнаруженных нами скалах, находятся обширные долины, а снег едва виден. Если бы не отсутствие воды в долинах, ландшафт напоминал бы в точности Южный Уэльс». Ему вторит американский летчик Дэвид Бангер, обнаруживший в 1947 году многочисленные холмы и озера чистой воды, изучая Землю Королевы Мэри: «Живой оазис среди мертвой пустыни». Например, в летний сезон 2012/13 года мне довелось работать в оазисе Ширмахеера, названном в честь летчика немецкой экспедиции Рихарда Ширмахеера. Лето выдалось настолько теплым, что в маршруты можно было ходить в футболке, а в приледниковых озерах даже купаться. Именно в этом оазисе расположена российская антарктическая станция Новолазаревская. Всех прибывающих на станцию знакомят с легендой о том, что Ширмахеер, дабы застолбить открытие, сбросил то ли серебряный, то ли

Оазис Ширмахеера. 2013 год

златой вымпел. С тех пор доверчивые полярники в любом маршруте внимательно смотрят под ноги — а вдруг им доведется найти такой раритет.

Маршрут за солнцем

Одним из моих научных объектов являлся ледник, где я должен был проводить наблюдения за накоплением снега в районе предполагаемой снежно-ледовой полосы будущего аэродрома. Наступило время, когда необходимо было начать регулярные наблюдения именно на леднике. Солнце еще не появилось из-за горизонта, но день из серого превратился в белый. Зимовка шла к завершению. Холмы медленно освобождались от снега, и часть дороги я прошел пешком, а перед подъемом на ледник встал на лыжи. Ледник достаточно круто поднимался в направлении на юг. Стояла пугающая тишина. Такая, что мне становилось жутковато. Время от времени я останавливался, чтобы оглянуться, так как мне казалось, что кто-то идет рядом, но это был лишь шорох моего антарктического комбинезона, да и компаса у меня не было — я выверял дорогу назад. Прошел вдоль снежно-ледовой полосы по линии снегомерных вешек, которая полого уходила к югу. Время возвращаться назад. Развернулся и обомлел. Над далекой линией горизонта висело солнце. Ярко-красный огромный диск солнца. Мир окрасился совершенно другими красками — он стал цветным. Возвращение солнца — настоящий праздник для полярников! Это не только приход полярного дня, это и возвращение птиц, и приход научно-экспедиционного судна «Академик Федоров», которое привезет ожидаемую почти год почту и посылки от близких и, дойдя до старейшей антарктической станции Мирный, вернется по большой дуге сначала к нашей станции Прогресс, а затем, с заходами для смены составов на станции Молодежная и Новолазаревская, доставит отзимовавших на Родину. На станцию я возвращался почти бегом, чтобы сообщить своим товарищам об увиденном зрелище. И был несказанно удивлен их отказом на мое предложение взглянуть на поднимающееся солнце. По-моему, мне даже не поверили, что я его видел.

Антарктический загар

С удлинением светового дня и приходом солнца появилось много забот и работ, которые невозможно было выполнить полярной ночью. Например, мне с несколькими моими товарищами предстояло освободить из снежного плена трактор, который находился на леднике. Трактор не простой, а самый большой в России, который выпускался на Кировском заводе в Ленинграде. Он так и назывался — «Кировец». Чтобы представить его размеры, достаточно отметить,

С игрушкой «Пингвин». Новолазаревская. 2012 год

что его колесо размером в рост среднего человека. Место, где снег «похоронил» трактор, было заботливо отмечено вешкой с красным флажком, который, правда, за десять лет стал белесым, а от трактора из снега торчала только часть выхлопной трубы, которая у таких машин установлена вертикально над капотом. Глаза боятся — руки делают! Мы с жаром взялись за дело. Казалось, что откопать такую громадину невозможно, но мы не только очистили трактор от снега, выкопав лопатами огромную яму, но и подготовили наклонную поверхность, по которой трактор смог бы выбраться из снежной ловушки. Время от времени я, отвлекшись от работы, оглядывал просторы Антарктиды. Это поистине величественное зрелище — бескрайняя пустыня, бескрайний — куда ни кинь взгляд и белый до слепоты снег. А мы? А мы были красные, как вареные раки. Как бы мы ни прятались от солнечных лучей, но солнце и снег сделали свое дело — наши лица обгорели. А на ужин в кают-компанию мы пришли с желтыми лицами — спасая нас, доктор густо измазал каждого облепиховым маслом.

Антарктическое кино

Развлечений на антарктической станции конца прошлого века (напомню, что я зимовал в 1999/2000 году) было немного: шахматы, шашки, домино, бильярд и видеофильмы. Сказать, что кассет с видеофильмами было мало, — ничего не сказать. Их было тридцать! Тридцать фильмов, которые были просмотрены по несколько десятков раз. Приоритет в выборе фильма принадлежал дежурному по камбузу. Иногда такой выбор доходил до казуса. Когда дежурил один из наших механиков, то все знали, какой фильм мы будем смотреть этим вечером. Например, мы более двадцати раз (если не больше) посмотрели фильм Георгия Данелии «Кин-дза-дза!».

Выход был найден — старые советские черно-белые фильмы, которые мы смотрели на старом кинопроекторе «Украина», трещащем так, что порой заглушался звук самого кинофильма. К слову сказать, любителей ретрофильмов оказалось немного, а усилий при просмотре кинофильмов требовалось предостаточно: то пленка порвется, то звук не синхронизируется с изображением, то пленка просто горит, не выдержав температуры аппарата. Учитывая, что своих почитателей пленка ждала длительное время при низких температурах, хорошего качества изображения ожидать не приходилось. Идея киноклуба «Черно-белое кино» умерла в зачатке.

С приходом полярной ночи появилось другое кино под названием «Полярные сияния». Первое увиденное мной в Антарктиде сияние не произвело на меня абсолютно никакого впечатления. По сравнению с северополушарными полярными сияниями, которые мне доводилось видеть в Арктике, южнополярные оказались какими-то блеклыми. Но потом все встало на свои места: и Антарктида реабилитировала себя, и полярные сияния

вошли в наш быт как настоящий канал нашего антарктического телевидения. Вспоминается одно из последних полярных сияний. Прошел ровно год моего пребывания в Антарктиде. Все сотрудники станции уже давно находились на «Академике Федорове», а я по какой-то неведомой мне причине «застрял» на станции. Вероятно, начальник станции пытался таким образом охладить ледяным материком сложившиеся наши «теплые и душевные отношения». Надежда улететь ближайшим бортом провалилась из-за непогоды, а завершающий, или крайний, как говорят все полярные летчики, рейс отложили на следующий день по непогоде. Метеорологи в нашем последнем разговоре дали надежду, что завтра полеты состоятся, и планировали два рейса, один из которых мой. Прощальный вечер в теплой компании новых друзей под мои бесконечные вопросы о том, что там происходит на Большой земле, и вопросы ко мне о том, как прошла зимовка. Звучали любимые всеми полярниками песни Александра Городницкого под гитару:

*Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешено низкое окно,
Бродят за ангарами северные вьюги,
В маленькой гостинице пусто и темно...*

Вдруг буквально врывается в помещение один из ребят со словами: «Что вы здесь сидите, там такое творится!» Мы вылетаем на улицу, кто в чем был, и... замираем в немом восторге — во все антарктическое небо, переливаясь фантастическими неземными красками, плывет полотно полярного сияния. Гигантские волны света вспыхивали и гасли, исчезали и появлялись вновь. Мы стояли в немом оцепенении и очнулись от слов, произнесенных кем-то за нашими спинами и обращенных ко мне: «Юрич, Антарктида прощается с тобой». Хорошо, что я стоял впереди всех и никто не видел, как слезы, текущие из моих глаз, замерзают на лице маленькими льдинками.

С самодельным батометром. Озеро Нела. 1999 год

Пингвины

С началом лета мир Антарктиды изменился. Первыми прилетели снежные буревестники — небольшие, размером с голубя, белоснежные юркие птицы. Затем появились поморники — серые «коршуны» Антарктиды. Они не только охотились за снежными буревестниками, но и не брезговали птенцами своих собратьев.

Неожиданно в начале лета к нам на станцию Прогресс пришел пингвин Адели, одетый в строгий костюм — черный фрак и белую манишку. Пингвины Адели — самые многочисленные птицы Антарктики. Полярники их ласково называют «адельки». Походил этот самый пришелец, посмотрел на все наше хозяйство, заглянул в ангар с техникой, постоял на пороге и вразвалочку ушел в сторону китайской станции Чжуншань (Zhongshan Station — названа в честь основателя Китайской республики Сунь Ятсена). Кто-то из полярников мрачно пошутил: «Наверное, пошел настоя-

Выветривание. Станция Прогресс. 1999 год

щий прогресс искать». Вспоминаются и другие истории, связанные с этими птицами.

На станции всегда есть работа, которую нужно выполнить сообща. Начало лета, солнышко уже всю светит, хочется продолжить — птички поют... Нет, птички не пели, действительно, птицы в Антарктиде не поют — все летают деловито и молча. На нас грустно смотрели пришедшие на линьку скандальные и торжественные в своих черных фраках и белых манишках пингвины Адели. Тащили мы тяжеленный кабель для питания топливной береговой базы. Возвращаемся обратно и проходим мимо той же группы пингвинов, которые при нашем приближении загалдели, захлопали крыльями, завертели головами, дружно загоготали. Кто-то из моих друзей бросил мимоходом, вызвав гомерический хохот: «Ишь, развеселились, наверное, анекдоты про людей рассказывают!» Попадание было стопроцентным.

Другой случай поистине замечательный. Дело было в начале лета. День выдался сумеречный, мела поземка, видимость плохая. Иду маршрутом по оазису, углубившись в горы достаточно далеко от моря. Вдруг вижу: навстречу мне по снежнику движется человек. Начинаю задавать себе вопросы, кто же это может быть. Кто-то из наших? Вряд ли — в маршруты хожу я один, да и в такую погоду вряд ли кого на улицу выгонишь. Китайцы? Точно нет, потому что у них в программе работ таких наблюдений не запланировано. А человек тем временем уверенно идет ко мне. Я меняю курс и начинаю по склону подниматься навстречу. Дается это мне непросто, так как приходится тропить лыжню. Все ближе странный путник, уверенно, вразвалочку, широко размахивая руками, бредет навстречу. Мне даже подумалось, что ему-то идти легче, так как идет под гору. Метель размывает человека до контуров. Подошли вплотную. Господи, да это пингвин! Мне показалось, что, увидев меня, он даже ускорил движение. Сблизились на расстояние шага. Осталось только в объятия броситься друг другу. Пингвин постоял с минуту, покрутил головой и, чуть ли не задев меня крылом, прошел мимо. Про себя я подумал — вот ведь дела, пингвины полярников даже за людей не считают. Я-то, наивный, думал: постоим, покурлыкаем вместе, погоду обсудим. Так ведь нет, чуть ли не оттолкнул, мол — уйди с дороги. Вот такая была встреча в конце зимы на полярной станции Прогресс.

Другой вид пингвинов, которых мне довелось видеть, — императорский пингвин. Это действительно красивые и грациозные птицы. Если пингвины Адели скандальны, то эти — обстоятельны и уверены в себе. Ходят степенно, на брюхе скользят неспешно — в общем, ведут себя по-царски, простите, по-императорски. Образуют императорские пингвины гигантские колонии, на время кормежки, когда один из родителей или оба уходят в море, формируют настоящие детские сады — два десятка пушков (так орнитологи называют еще не оперившихся пингвинов) в окружении мамок и нянек из взрослых особей.

Последнее прости

Южный материк никогда не был моей мечтой. Я даже боялся мечтать о нем. Но оказавшись в Антарктиде, полюбил эту холодную и неприветливую часть света, найдя здесь то, что никогда не найдешь ни в одной другой точке планеты. Я нигде не видел таких красок, которыми окрасилась для меня Антарктида. В 2020 году мне посчастливилось еще раз побывать в Антарктике как руководителю детской экспедиции. Трое учащихся разных образовательных учреждений Санкт-Петербурга, победители конкурса ААНИИ в честь 200-летнего юбилея открытия Антарктиды российскими капитанами Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном и Михаилом Петровичем Лазаревым, отправились на станцию Беллинсгаузен. И в очередной раз я не разочаровался. И понял, что заболел. Заболел Антарктидой.

Не могу не вспомнить последнее сияние, которое я и мои друзья увидели с борта судна «Академик Федоров» где-то в Южном океане. Уже скрылся из глаз далекий берег, но еще украшало черное небо созвездие Южного Креста, указывавшее когда-то путь Амундсену и Скотту, и уже все мысли наши были о приближающейся Южной Африке, как вдруг, в одну из вечерних прогулок по палубе, в направлении на юг мы увидели сполохи огромнейшего, во все небо полярного сияния, которое превратилось сначала в гигантский театральный занавес, затем медленно опустилось в воды Южного океана... Антарктида простилась с нами! Надеюсь, не навсегда.

Антарктида — станция Прогресс — станция Новолазаревская — станция Беллинсгаузен 2000–2020 гг.

*А.Ю. Иванов
(учитель географии 85-й гимназии Санкт-Петербурга).
Фото автора*